

ДЫХАНИЕМ ЕДИНЫМ...

РАССКАЗЫВАЕТ НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР
ЕВГЕНИЙ ЕВСТИГНЕЕВ

Зрительские симпатии и привязанности бывают порой так непостоянны! Но вот уже много лет мы ходим «на Евстигнеева» в театр и кино, торопимся вечером домой, если должен идти телефильм с его участием. Народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Евгений Евстигнеев — один из тех актеров, любовь к которым зрители пронесли через десятилетия. Те, кому сейчас далеко за тридцать, помнят его еще в знаменитых «Вечно живых» — в спектакле, которым открылся театр «Современник». А уже другое поколение зрителей знает Евстигнеева по таким известным работам на сцене МХАТа, как «Заседание парткома», «Сталеваары», «Старый новый год»... Около 80 ролей сыграно им на сцене и в кинематографе за четверть века!

Е. А. Евстигнееву исполнилось 50 лет. Наш корреспондент встретился с юбиляром накануне отъезда Художественного театра на гастроли в Болгарию и Грецию.

Воскресные
ВСТРЕЧИ

ном театре, работаю здесь уже около пяти лет.

— Что же заставило вас покинуть «Современник»!

— Вы знаете, я человек влюбчивый. И потому не летал по театрам. Только какие-то исключительные обстоятельства заставили меня переходить из Владимира в Москву, а из МХАТа — в «Современник». Назад же я вернулся, следуя за Ефремовым. Дело не только в том, что я ему как-то свято доверяю и считаю его своим другом по жизни. Не знаю, как другие актеры, а я не могу работать без режиссуры, да еще той, которую люблю. А Ефремов как раз и воплощает в себе ту, любимую мною режиссуру, с которой мне было бы трудно расстаться.

— Надо сказать, что и во МХАТе результаты вашей совместной работы весьма плодотворны. Взять хотя бы спектакль «Заседание парткома», где вы сыграли одну из главных ролей — секретаря партийного комитета Соломахина. Интересно было бы взглянуть на эту работу театра с точки зрения актера...

— Мне кажется, этот спектакль привлекателен не только какими-то новшествами сюжетного порядка (хотя, конечно, случай взят довольно острый и неожиданный — бригада отказалась от премии!), но и узнаваемостью, жизненной достоверностью своей. И проблема затронута важная. Не беда, если она, возможно, лишь затронута. Театр — это такая кафедра, с которой можно говорить, задавая вопросы, и не всегда доходить до их разрешения. Важно только, чтобы зрительный зал как-то это узнавал, чтобы было жизненно, похоже на то, что волнует самих зрителей. Ведь эти их волнения, переживания обычно и являются той вольтовой дугой, которая соединяет сцену и зрительный зал. Именно в единстве дыхания театра и зрителя скрыт успех всякого спектакля. Вот и в «Заседании парткома» на достаточно исключительном случае построены вопросы нравственного порядка, вопросы человеческого совершенства, честности, спайки коллектива, то есть, на мой взгляд, как раз те, что существуют в жизни и чрезвычайно волнуют людей. И еще, спектакль, если так можно выразиться, хорошо «замешан» режиссерски. Это ансамблевый спектакль. А если помните, еще наши учителя — Немирович-Данченко и Станиславский — настаивали на том, что главное в театре — это ансамбль.

— Кстати, недавно вы начали играть в спектакле, поставленном когда-то Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко!

— Да, вот уже около десяти раз выходил на сцену в «Трех сестрах». Играю роль Чебутыкина. Для меня это очень важная работа. Не только потому, что это Чехов, не только потому, что это Чебутыкин, но и то, что это все-таки ввод в старую постановку. И после таких замечательных мастеров, как Грибов, Яншин, играть очень ответственно. А атмосфера в этом спектакле удивительная! Мечтаю, как бы только войти в него покрепче, потоньше, получше. Получается пока не во всем, но продолжаю работать с большим удовольствием.

— А другие ваши новые работы!

— Во МХАТе недавно вышел спектакль «Нина» по пьесе Кутерницкого. Автор рассматривает в ней проблемы так называемого «переходного возраста», когда в сознании девочки — подростка происходит наклон детского восприятия к юношескому; переход к серьезному ос-

мыслению жизни. Затронуты вопросы сложных семейных взаимоотношений, извечная тема «конфликта отцов и детей», вдруг неожиданно соприкасающимися с потоком жизни. Я сыграл в «Нине» отца — Бориса Григорьевича Желвина. И тут же приступил к репетициям роли графа Шабельского в чеховском «Иванове». Очередная серьезная работа, над которой я сейчас думаю, которая меня заботит. Что же касается кинематографа, есть много новых предложений. Не все из них, конечно, придется принять. В основном из-за недостатка времени.

— Это можно понять: театр, кино, телевидение...

— Прибавьте сюда преподавание в школе-студии МХАТ. Вот уже год, как я занимаюсь с будущими актерами. На это уходит немало времени. Но весьма и весьма интересно. Наверное, тут я выступаю уже не только как преподаватель, но и как эгоист: хотел бы не только что-то отдать молодым, но и сам взять. В общении с ними, пусть не покажется это странным, очень многому можно научиться. Видите ли, в серьезном академическом театре порой нельзя ошибаться совсем. А такая ответственность часто закрепощает. В школе же атмосфера такова, что там разрешаются и ошибки. А это прекрасно, когда у актера есть ошибки.

— Если только они ведут к осознанию своей профессии, не так ли!

— Ну, конечно. Я всегда своим студентам говорю: вы побольше ошибайтесь сейчас, тогда это выведет вас в творчестве на правильную дорогу. А там, где уже нельзя ошибаться, — трудно, очень трудно! Не потому ли так часто нам, актерам Художественного театра, Олег Николаевич Ефремов говорит, что мастерство — то мастерство, да иногда поменьше бы его, а побольше живой жизни. Для этого же надо соскабливать с себя и штампы, и привычные представления, и все-все, что мешает, так сказать, пробиваться в жизнь образа. Мастерство нужно не для того только, чтобы «чистить» медали. Оно должно помогать, а не останавливать тебя.

— Иногда говорят еще, что мастерство нужно чуть ли не ежедневно оттачивать!

— Оттачивать, это слишком условно. Ну, что значит — «оттачивать»? Наблюдать, видеть и самому волноваться! Только тогда найдешь отклик у зрителей. А если стоишь на позициях: «Ах, я знаю, что и как, все это уже проверено!» — то в лучшем случае к тебе будут относиться иронично. Ведь зрительный зал часто лучше знает о том, что ты говоришь со сцены. А театр — всегда такой храм искусства, где должны быть те знакомые неожиданности, чему зритель удивляется. Значит, нужно рассказывать всегда что-то новое. И чтобы в нем была узнаваемость: «Ох, смотри, это про меня!» Или если не про меня, то про соседа, во всяком случае. Быть с людьми поближе, знать их нервы и то, что их волнует, о чем они говорят — это необходимость для художника, чтобы оставаться художником. Не должно быть парадокса, когда мы, рассказчики жизни, порой удаляемся от нее. Ты хочешь высказаться по проблеме, тебя волнующей? Тогда, будь добр, узнавай, что волнует зрительный зал, чем сейчас живут люди. А это не так-то просто. И потому нужно постоянно «нюхать» воздух, чувствовать заботы и тревоги человеческого.

— Если не ошибаюсь, это как раз объединяло вас, молодых актеров, в дни создания театра «Современник»!

— Это был замечательный отрезок времени у каждого, кто причастен к Студии молодых актеров. Мы росли на определенном общественном взлете, как вы помните. И прекрасно то, что мы были людьми одного поколения. У нас были одни запросы, беды, желания — что очень важно. Всем нам на тогдашней театральной сцене не хватало живой жизни, ее духа. Очень уж много было «манекенов», неживых людей. Мы тяготились этим и хотели пробиться в живую ткань, к показу жизни на сцене. Естественно, что не только мы к этому стремились. Но у нас счастье было в том, что группу искателей составили люди одного поколения. На протяжении многих лет мы вырабатывали свою эстетику, свои отношения к жизни, свои гражданские чувства. И репертуар соответствующий искали. С тем, чтобы он напоминал нам о проблемах, существующих в жизни, помогал в попытках их разрешения. И то, что у нас во всем была единая «платформа», наверное, и отличало «Современник» от других коллективов. Ведь, надо сказать, актеры всегда есть хорошие. У нас в стране очень много замечательных мастеров. Но, к сожалению, они порою одиноки в своих устремлениях. А у современниковцев, повторюсь, счастье было в том, что они были объединены общими идеями: и театральными, и гражданскими, и даже чисто методологическими. И, конечно, я очень счастлив, что был в то время среди этих людей.

— Нам же хочется пожелать, чтобы счастье сопутствовало вам во всяком вашем начинании. Спасибо за беседу!

Беседу вел Н. ШКУТ

НА СНИМКЕ: О. Н. ЕФРЕМОВ и Е. А. ЕВСТИГНЕЕВ.

1976, «Воскресный»